

З. Т. Прокопенко

НАБЛЮДЕНИЯ НАД САТИРИЧЕСКИМ МАСТЕРСТВОМ ЯЗЫКА И СТИЛЯ САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В «СОВРЕМЕННОЙ ИДИЛЛИИ»

Сатирическое отображение действительности давало Салтыкову-Щедрину большие возможности в выборе речевых средств, построения системы образов и даже формы повествования. К сожалению, эти яркие, своеобразные стороны его таланта, представляющие большую эстетическую ценность и интерес, изучены менее всего.

Что касается «Современной идиллии», то анализу языка и стиля этого произведения уделяется значительное место в монографии А. Жук «Сатирический роман Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия», изд. Саратовского университета, 1958, и в кандидатской диссертации Е. А. Касилова «Стиль и образы «Современной идиллии» Салтыкова-Щедрина». Киев, 1956¹

Однако при неоспоримых достоинствах названных работ сделано еще далеко не все, так как «Современная идиллия», представляющая собой столь замечательное явление русской сатирической литературы, долго недооценивалась, и в настоящее время, когда «Идиллия» по заслугам поставлена в один ряд с такими произведениями, как «История одного города» и «Господа Головлевы», интерес и пристальное изучение к ней должны постоянно повышаться и углубляться.

В настоящей статье делается попытка рассматривать язык и стиль «Современной идиллии» как средство раскрытия идейного содержания произведения и отображения типиче-

¹ См статью Е. А. Касилов «Стилистические особенности «Современной идиллии» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Ученые записки Чимкентского пединститута», вып. 1, 1957.

ских явлений действительности, обращается внимание на сатирические способы выражения авторских идей, различные формы иносказания и аллегории, эзоповские приемы повествования, фразеологические элементы, т. е. на те стороны, которые свидетельствуют об оригинальности художественного метода Щедрина.

С бесстрашием и самоотверженностью подлинного борца за свободу сатирик обличает разнузданную политическую реакцию 80-х годов, показывает трусливость и предательство либералов, выступивших в качестве пособников правительства в деле удушения революции. Это была задача большого общественного значения, и, выполняя свой писательский долг, он стремился воплотить идейное богатство произведения в яркой, неповторимой форме.

Анализ языкового и стилистического мастерства Щедрина-сатирика невозможен без учета реального и исторического комментария эпохи, без «расшифровки» «эзопова» языка писателя, различных иносказаний и переосмыслений, помогающих раскрыть своеобразие поэтических тропов и фигур.

Уже само название произведения иносказательно «Современная идиллия» — символ гнетущей, всеподавляющей реакции. Щедрин следующим образом передает настроение подавленности и страха, которые преобладали в это ужасное время: «Сидишь, бывало, дома — чудятся шорохи, точно за дверью, в потемках, кто-то ручку замка нащупывает; выйдешь на улицу — чудится, точно из каждого окна кто-то пальцем грозит»¹.

Но это не только кажущаяся угроза. Самодержавно-полицейская система опутывала сетью шпионажа русское общество, обрекала массы народа на бесправие и голод, отдав их на растерзание деруновым и разуваемым.

Острые щедринской сатиры направлено в «Современной идиллии» на обличение либералов, этих лживых «друзей народа», которые не только не выступили против реакционного произвола, но сразу же поспешили позаботиться о собственном благополучии, постарались извлечь определенную выгоду из создавшейся обстановки.

Происки «шкурного самосохранения» либеральных «героев» повести Щедрин определяет глаголом «годить», под которыми скрывается продуманная система поведения, наиболее подходящая для данной политической ситуации. «Погодить — ну, приноровиться, что-ли, уметь вовремя помолчать, позабыть кой об чем, думать не о том, об чем обыкновенно думается, заниматься не тем, чем обыкновенно занимаетесь», — рас-

¹ Н Щедрин Полное собр. сочинений в XX томах, Гослитиздат, 1940, т. XV, стр. 220 В дальнейшем все ссылки на произведения Щедрина даются по этому изданию и указываются в тексте статьи.

крывает смысл «гоженья» один из героев «Современной идиллии» А. С. Молчалин (XV, 39).

Но такое объяснение еще не исчерпывает внутреннего содержания процесса «гоженья», и не случайно Молчалин при своем уходе роняет новую реплику, которая заставляет читателя думать, что речь идет не только о простом времяпрепровождении: «Мы — русские, — говорит он либералам, — мы эти вещи сразу должны понимать». Таким образом, формула «годить» приобретает обобщающий политический смысл.

Одним из наиболее часто встречающихся в «Современной идиллии» приемов «эзоповского» повествования является так называемый «слог, вывороченный наизнанку». Для резкого обличения и осмеяния самодержавно-бюрократических институтов, гнилой буржуазной морали, уродливого воспитания и т. п. Щедрин отдельным характеристикам придает двуплановый характер, выдерживая первую часть в приподнятых тонах, а вторую — снижая до нелепости, до абсурда. Такой прием способствует сатирическому восприятию отдельных социальных фактов и явлений, убеждает читателя в том, что за внешними проявлениями прочности, величия и благородства скрываются преступность, лицемерие и тупоумие. Именно так писатель издевается над попытками официозной исторической школы окружить возникновение самодержавия в России ореолом святости, представить насильственный захват власти варягами в виде акта добровольности, союза вольных новгородцев и варяжских князей. Самодержавие необыкновенно пышно, торжественно и нелепо праздновало в 1868 году тысячелетие России. Пародируя «высокий» слог литературных лакеев, Щедрин заявляет, что сюжет о призвании варягов действительно замечателен и вполне годится для... оперетки Оффенбаха: «Это, мой друг, такой сюжет! такой сюжет! — с восторгом говорит другой герой произведения Глумов Рассказчику. — Если б только растолковать Оффенбаху как следует! Представь себе, например, хор помпадуров, или хор капитан-исправников! или хор судебных следователей по особо важным делам! Ведь это что такое!» (XV, 101).

В этот период на сцене Петербурга и Москвы с большим успехом шли оперетты Оффенбаха, например, «Прекрасная Елена», в которой под видом античности высмеивалась империя Наполеона III, и современники Щедрина остро чувствовали сарказм подобного сравнения.

При характеристике официозной исторической школы внимание прежде всего обращается на псевдонаучность и антинародность концепций этой школы, а также дается сатирическая зарисовка ее идейного вдохновителя, который во многом напоминает консервативно настроенного историка Погодина: «Да... изумительный человек был этот маститый историк: и

науку, и свистопляску — все понимал! А историю русскую как знал — даже поверить трудно!» В заключение характеристики сатирик как бы от лица самого «маститого историка» говорит: «...для меня что историей заниматься, что бирюльки таскать — все единственно!» (XV, 101—102).

Обличая реакцию во всех ее проявлениях, Щедрин использует необыкновенно смелые параллели и сопоставления. Обратимся к примерам. «Герои» «Современной идиллии» восхищаются достижениями в области науки и техники: «Говорили про пароходы и паровозы, про телеграфы и телефоны, про старин и парафин, олеин и керосин и во всем этом видели руку провидения, явно России благоденствующего».

«Давно ли я сам в Москву в дилижансе на четвертые сутки поспевал? — дивился Перекусихин 2-й: — а нынче поехал и приехал!»

А Очищенный к сему присовокупил: «Прежде, вашество, письма-то на почте шпильками из конвертов вылущивали — какая это времени трата была! А нынче взял, над паром секундочку подержал — читай да почитывай!» (XI, 158).

Замечание Очищенного вносит сатирический элемент в рассуждения «героев» и обращает внимание на то, что сыскное отделение не стоит в стороне от «прогресса», по-своему использует достижения в области техники.

Полны сатирического обличения и иронии либеральные разглагольствования о народном просвещении. Глумов и Рассказчик все время стараются угодить квартальному Ивану Тимофенчу и даже опередить его мысль: «Книги — что в них, — пустился в рассуждения Иван Тимофеич. — Был бы человек здоров, да жил бы в свое удовольствие — чего лучше! Без грамотные-то и никогда книг не читают, а разве не живут?»

— Да еще как живут-то! — подтвердил Глумов. — А которые случайно выучатся, сейчас же под суд попадают!

— Ну, не все! Бывают и из простых, которые с умом читают! — благосклонно допустил Иван Тимофеич.

— И все-таки попадают. Ежели не в качестве обвиняемых, так в качестве свидетелей. Помилуйте, разве сладко свидетелем-то быть?

— Какая сладость! Первое дело, за сто верст киселя есть, а второе, как еще свидетельствовать будешь! Иной раз так об себе засвидетельствуешь, что и домой потом не попадешь... (XV, 64).

За либеральными фразами Глумова скрывается обличительный щедринский «подтекст». Нелепые заверения Глумова о том, что науки не нужны и даже вредны, полны иронии; они приводят к новой теме, дают возможность говорить о положении «без вины виноватых», о несправедливости царского суда. С этой стороны «Драма в кашинском окружном суде»

дает новую параллель, блестящую сатирическую формулу «Вали их... в места не столь отдаленные», — употребленную по отношению к невинным свидетелям-«головастикам» (XV, 262).

Своеобразной формой «слога, вывороченного наизнанку», являются многочисленные пародии, которыми так богата «Современная идиллия». Щедрин пародирует либеральные разглагольствования и крикливые заявления реакционной и бульварной прессы, низкопробную «клубничную» литературу и путевые записки, деловые бумаги и даже Свод законов Российской империи. Пародирование свидетельствует не только об огромном мастерстве стилизации, широте и богатстве щедринского языка, но и дает писателю неограниченные возможности для создания ярких сатирических картин русской социальной жизни, позволяет выставлять в смешном и нелепом виде самодержавно-бюрократический аппарат.

Щедринские пародии строятся на смелых и ярких контрастах. Будучи включены в основную ткань произведения, пародии резко отличаются от предшествующего авторского стиля и сразу обращают на себя внимание, поражая новизной и необычностью. В то же время они контрастны и по своему содержанию. Сатирическая острота при пародийном отражении действительности достигается и тем, что Щедрин, отображая факты и явления жизни в двуплановом аспекте, сразу настраивает читателя на ироническое восприятие изображаемого. Наряду с «высоким» стилем деловых бумаг или статей реакционного и либерального толка, которые пародируются в «Современной идиллии», Щедрин включает неожиданные сравнения, эпитеты и сопоставления разговорно-бытового характера, снижая тем самым вопросы политики до уровня быта и выставляя «основы» и «краеугольные камни» самодержавия в смешном и неприглядном виде.

Циркуляры правительства, призывающие «благонамеренных» к борьбе с революционной крамолой, пародируются главным образом в «Уставе о благопристойном обывателя в своей жизни поведении». Эта пародия построена по типу казенных бумаг, наполнена канцеляризмами, бюрократической терминологией, разбита на параграфы и пункты. За канцелярскими терминами, славянизмами, инверсионными оборотами, которыми изобилует «Устав», скрываются такие понятия, как «шпионаж», «слежка» и «подсидживание».

«Внешняя благопристойность», — говорится в «Уставе», выражается в действиях и телодвижениях обывателя; внутренняя созидает себе храм в сердце его, где наряду с нею свивает себе гнездо и внутренняя неблагопристойность, то есть злая и порочная воля. На сем основании наиболее приличными местами наблюдения за первую признаются: улицы, площади и

публичные места; последние же всего удобнее наблюдать в собственных квартирах обывателей» (XV, 120).

Отдельные статьи «Устава благопристойности» обличают лживую, ханжескую мораль правящих классов, те «волчьи законы», по которым живет эксплуататорское общество. Так, в «Уставе» рекомендуется: «При встрече с лицами высшими предоставляется выражать вежливое изумление и несомненную готовность претерпеть, при встрече с равными—гостеприимство и желание оказать услугу; при встрече с низшими — снисходительность, но без послаблений.

Подавать нищим не возбраняется, но полезно при сем напомнить им, что только тот хлеб сладок, который добывается трудом» (XV, 123).

Блестящим примером щедринского языкового мастерства является фельетон «Властитель дум», в котором органически соединяются приемы иносказания и пародирования с пафосом полемического стиля.

Заклеймив предателей и отступников, перешедших на службу реакции, кличкой «негодяй», Щедрин говорит: «Негодяй—властитель дум современности. Породила его современная нравственная и умственная муть, воспитало, укрепило и окрылило — современное шкурное малодушие» (XV, 224).

Фельетон «Властитель дум» полон ярких образных языковых формул, которые придают ему смелый сатирический характер, обличают силы реакции. Стилистическое новаторство, проявившееся в этом фельетоне, заключается и в новейших формах словосочетаний. Щедринские синтагмы нередко состоят из таких смысловых понятий, которые ранее никем не употреблялись в совокупности. Например, «нравственная и умственная муть», «шкурное малодушие», «человеконенавистническое ремесло», «негодяйская профессия», «ликующие одежды» и др.

Стремясь заострить внимание читателя на конкретных вопросах и помочь ему правильно разобраться в сущности явлений, изображаемых в фельетоне, Щедрин нередко непосредственно обращается к читателю, подчеркивает, что в обществе идет непримиримая борьба, что каждому честному человеку приходится в своей жизни сталкиваться с «негодяйскими поступками» и «негодяйскими речами» и что засилье «негодяя» вызывает негодование и протест прогрессивных слоев общества.

Разоблачая «негодяйство», Щедрин использует богатство и многообразие языковых стилей. Наряду с элементами книжного языка, такими, как «слои общества», «профессия», «вселенная», «действенное дело», «обязательная, насущная потребность дня», «систематическое изложение», «газетная передовая статья» и др., Щедрин широко использует архаизмы,

просторечия, обличая «негодяя» как потомка вечного врага человечества. «Что такое сатана?» — ставит вопрос сатирик и тут же отвечает: — это грандиознейший, презреннейший и ограниченнейший негодяй,.. его называют врагом человеческого рода, пакостником, клеветником» (XV, 224).

Большую живость и динамичность фельетону «Властитель дум» придает разговорно-бытовая лексика. Говоря о засилии «негодяя» в период реакции, Щедрин конкретно указывает места, где «негодяя» можно встретить: «и в великосветском салоне, и на купеческом именинном пироге, и за скромной трапезой чиновника, и в театре, и в трактире, и на конке» (XV, 225). Разговорная лексика фельетона зачастую носит бранный характер: «либеральное паскудство», «негодяй», «клеветник», «негодяйская профессия», «пакостник» и т. д. Для обуздания человеческой мысли «негодяй» прибегает к «подкупу, предательству, измене», таким «исправительным» мерам, как «бараний рог», «ежовые рукавицы» и т. п.

Употребление старославянизмов отрицательного характера придает обличительно-патетическую окраску всему фельетону, а сочетание элементов высокого стиля с разговорно-бытовой лексикой способствует созданию речевых контрастов, сатирической экспрессии.

Обличительный пафос речи Щедрина достигается широкими развернутыми определениями, риторическими вопросами и восклицаниями, четкой логической последовательностью мысли.

В форме целого ряда развернутых определений создается Щедриным характеристика прототипа негодяя, сатаны. Поставив вопрос: «Что такое сатана?», Щедрин дает ясный исчерпывающий ответ, нанизывая одно определение на другое, сгущая краски, выделяя наиболее мерзкие, нетерпимые в общественной жизни черты «врага человеческого рода».

Развернутые определения, поясняя одно и то же понятие «сатана», совершенно разнородны по своей структуре и методу сочетания с определяемым понятием. Начав с наиболее простейшей формы — нескольких однородных определений (сатана — «это грандиознейший, презреннейший и ограниченнейший негодяй...»), Щедрин переходит к более сложной форме — придаточным определительным, внутри которых обозначает отдельные пары слов, объединенные между собой по смысловому контрасту («негодяй не может различить ни добра, ни зла, ни общего, ни частного и которому ясны только личные и притом ближайшие интересы»). Наконец, с целью усиления обличительного пафоса, которым пронизан весь фельетон, и заострения внимания читателя на существенных признаках сатаны-негодяя Щедрин выделяет развернутые определения в отдельные предложения, несмотря на то, что они яв-

тяются по сути придаточными. После приведенного выше развернутого определения автор ставит точку и продолжает. «Поэтому его называют врагом человеческого рода, пакостником, клеветником. И по этой же причине место действия ему отводят под землей, в темном месте, в аду» (XV, 224).

Таким образом, в фельетоне «Властитель дум» Щедрин не только с высоким мастерством использует богатство и многообразие лексических стилей, но и прибегает к синтаксическим приемам для придания особой выразительности, убедительности и динамичности языку фельетона.

Жанровые особенности фельетона, предназначенного для напечатания в газете «Краса Демидрона», дают возможность писателю использовать приемы публицистического языка, делать ораторские отступления, паузы, ставить риторические вопросы, говорить непосредственно с читателем и т. п.

Так, рисуя картину «негодяйского» произвола, Щедрин выражает понятную тревогу и боль, напоминает о судьбах своей родины и призывает вовремя оказать сопротивление двурушникам и предателям. Обращаясь к современникам, он с помощью риторических вопросов старается выразить терзающие его сомнения относительно способности русского общества дать решительный отпор подобным «властителям дум». Сатирик замечает, что если русская общественность будет продолжать борьбу с «негодяем» только в форме споров, то вскоре все голоса покроет «крикливая, резкая нота» и можно будет услышать только «тихий, словно вымученный смех...»

«Ах, этот смех! что в нем слышится? рабское ли поощрение, робкий ли протест или просто-напросто бессилие?» (XV, 225).

Языку фельетона «Властитель дум», как уже отмечалось, свойственна строгая последовательность, глубокая логичность. В этом отношении отдельные его места близки к научным приемам изложения, те же части, которые определяют сущность «негодяйства», строятся по типу логических суждений. Например: «Негодяй — властитель дум современности», сатана — «это грандиознейший, презреннейший и ограниченнейший негодяй» и др.

Характеристика «негодяя» также разворачивается в строгой последовательности, расширяясь и обогащаясь подробностями, важными для понимания сущности образа. Указав на торжество «негодяя», Щедрин старается выяснить те причины, которые лежат в основе «негодяйства». «Ограниченность мысли породила в нем наглость; наглость, в свою очередь, застраховала от возможности каких-либо потрясений. Взглянувши на него, вы не запутаетесь в определениях; вы скажете прямо: это негодяй!» (XV, 224).

Идейное содержание образа раскрывается постепенно: сначала говорится об ограниченности мысли, затем о том, что эта ограниченность вскоре прорывается наружу в форме наглости, свободной от всяких потрясений. И, наконец, внутренняя сущность чрезвычайно наглядно проявляется во всем внешнем облике.

Нередко Щедрин использует своеобразные приемы сатирической типизации, которые в основном сводятся к тому, что широко известные факты и явления, имевшие место в действительности, переносятся в сферы совершенно иного порядка и значения и таким образом в переосмысленном виде приобретают обобщающий характер.

В качестве примера укажем, что в «Современной идиллии» неоднократно говорится о кукуевской катастрофе и придается этому событию общий, нарицательный характер. Железнодорожная катастрофа, происшедшая летом 1880 года близ деревни Кукуевка, случилась потому, что правление железно-дорожной кампании разбазарило деньги, которые должны были пойти на ремонт железной дороги. При катастрофе погибло несколько сот человек, и это трагическое событие было в центре внимания всего русского общества.

Характеризуя странствующего полководца Полкана Редедю, Щедрин говорит «Целых два года он жил и закусывал: отчасти на счет потребителей плисов и миткалей, отчасти на счет пассажиров российских железных дорог, так что, быть может, принял косвенное участие и в кукуевской катастрофе, потому что нужные на ремонт насыпи деньги были употреблены на чествование Редеди» (XV, 153).

Изображая период реакции как «целую массу внезапно-стей», обрушившихся на русского человека, как непрекращающуюся цепь трагедий, Щедрин снова сравнивает подобную жизнь, полную преследований, с кукуевской катастрофой Выжлятников, иронизируя над «гоженьем» либералов, говорит: «Да вы подумайте, что такое есть ваша жизнь? — ведь это кукуевская катастрофа, — только и можно сказать про нее! Разве вы живете хоть одну минуту так, как бы вам захотелось? — никогда ни минуты! читать вы любите — вместо книг календарь перечитываете; общество любите — вместо людей с Кшепшицьюльским компанию водите; писать любите — стараетесь не буквы, а каракули выводить! Словом сказать, постоянно по кукуевской насыпи едете. И все это для того, чтобы в квартале об вас сказали: «какой же это опасный человек! это самый обыкновенный шалопай!» (XV, 169).

Весьма занимательны имена и фамилии персонажей «Современной идиллии». Они заключают в себе элемент иносказания и проливают свет на сущность данного «героя», под-

готовавливают читателя к сатирическому восприятию персонажа. Наряду с переосмысленными героями русской классической литературы, такими, как Молчалин, Глумов, в «Современной идиллии» живут и действуют чисто щедринские персонажи с не менее яркими и выразительными фамилиями. Выжлятников и Борзятников, Зачинщиков и Запевалов, Полкан Самсоныч Редедя, Очищенный, Балалайкин, Перекусихины, Кшешпицюльский, Рукосуй-Пешехонский и др. Каждая из этих фамилий оправдана и обусловлена поведением данного персонажа.

Так, предки Очищенного в древности носили фамилию «Гадюк», но после того, как один из сыновей донес на отца, обвиняя его в государственной измене, сыну «было предоставлено: упразднив прежнее прозвище «Гадюк», яко омраченное изменой, впредь именоваться Очищенным. Так вот откуда происходит фамилия Очищенный, а совсем не от водки одного с нею наименования», — заключает «достоверную» историю своего рода последний представитель Очищенных (XV, 102).

Фамилии Выжлятников и Борзятников Щедрин дает «собирателям статистики», шпионам, членам клуба Взволнованных лоботрясов (реакционной Священной дружины). Несмотря на то, что их фамилии этимологически связаны с охотой и в данном случае свидетельствовали о природной склонности к слезке, Щедрин, кроме того, сообщает, что оба они «внучатые племянники Шешковского, которые самовольно вынырнули неизвестно откуда и требуют от обывателей, кроме паспортов, предъявления образа мыслей и заставляют их петь «Звон победы раздавайся» (XV, 165). Не менее выразительны и такие фамилии, как Губошлепов, Долбня, Оглашенный, Удав и Дыба.

Таким образом, прибегая к эзоповским приемам повествования, Щедрин создал аллегорические образы «негодяя», «ретивого начальника», использовал конкретные факты современности в качестве переосмысления, в значительной степени расширил и обогатил так называемый прием «проецирования на современность», пополнил сатирический арсенал целым рядом ярких эзоповских формул и т. д. Многообразие щедринских приемов иносказания объясняется как боевым, антиправительственным характером его творчества, так и высоким сатирическим мастерством. Не один Щедрин, но и другие крупные художники указывали, что «эзопов» язык и различные виды иносказания дают возможность писателю доносить до широких читательских масс, преодолевая рогатки цензуры, свободную смелую мысль, воплощенную в яркой, неповторимой форме. Так, Герцен писал: «Человек, раздражен-

ный оскорбляющим его препятствием, хочет победить его и почти всегда преуспевает в этом. Иносказательная речь хранит черты волнения, борьбы; в ней больше страсти, чем в простом изложении... Недомолвка сильнее под своим покровом, всегда прозрачным для того, кто хочет понимать. Сжатая речь богаче смыслом, она острее: говорить так, чтобы мысль была ясна, но чтобы слова для нее находил сам читатель, — лучший способ убеждать...»¹.

Писатели-современники необыкновенно высоко ставили сатирическое мастерство Щедрина и считали, что в его творчестве приемы иносказания достигли своего совершенства как по значимости содержания, так и по яркой, запоминающейся форме.

Сам Щедрин подчас тяготился «рабьей» манерой, как он называл «эзоповский» язык, и сожалел о том, что не имеет возможности открыто проповедовать революционно-демократические идеалы, а вынужден прибегать к различным завуалированным способам.

В одном из писем Щедрин со свойственной ему прямоотой и нетерпимостью заявил: «Просто думается, что вместо всякого писания самое лучшее — наплевать в глаза. А тут еще сиди да всякую форму придумывай» (XIX, 80).

Одна из стилистических особенностей творчества Щедрина состоит в том, что он создает не только яркие запоминающиеся образы своих героев, но и широко обобщает существеннейшие факты и явления действительности. Иносказания, аллегории, намеки на реальные события учат читателя распознавать под специфическими художественными приемами глубокое социальное содержание.

Так, в «Современной идиллии» нередко встречаются имена реальных личностей и указания на конкретные исторические события, использованные как своеобразные переосмысления. Примером может служить упоминание о полковнике Араби-паше, возглавившем в начале 80-х годов XIX века освободительную войну против англичан. У Щедрина в Египет к Араби-паше отправляется «странствующий полководец» Полкан Самсоныч Редедя.

Щедриноведами установлено, что образу Редеди писатель придал много черт одного из реакционнейших генералов М. Г. Черняева, который «прославился» своей жестокостью в Туркестане и неудачным командованием добровольцами в Сербии в 1875 году. Черняев никогда не бывал в Египте, в Зулусии и т. п. Но образ Редеди, имеющий немало реальных

¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. VII, изд. АН СССР, М., 1956, стр. 216—217.

прототипов, отражает империалистическую сущность политики царизма, стремящегося к закабалению других народов.

Описание событий, происходящих в Египте, является приемом, с помощью которого писатель выражает свое отношение как к внешнеполитическим вопросам, так и ко внутренней политике русского самодержавия.

Повествуя о «фантастической» египетской жизни, Щедрин делает свою аллегория необыкновенно понятной и прозрачной. Так, весьёгонцы слушали рассказы Редеди о египетских «чудесах», и им все «сдавалось, что он словно не об Египте, а об Весьёгонском уезде разговаривает. Например... и в Египте на счет недоимок строго, и в Весьёгонском уезде строго, а денег ни тут, ни там — нет» (XV, 292).

В своем разоблачении гнилости самодержавно-бюрократической системы сатирик касается не только отдельных проявлений хищничества и деспотизма со стороны власть имущих, но и делает выпады против царизма, говорит, что «это совсем не система, а злодейство» (XV, 221). Так, в Египте «судов нет, а вместо них правило: сколько заслужил, столько и получил. Равным образом нет ни наук, ни литературы, а следовательно, нет и превратных толкований». Что касается положения в армии, то «приходится занимать солдат усиленным моционом, чтобы они забыли об жалованьи» (XV, 292).

В виде своеобразной аллегории описывается российский герб — «геральдический знак страны зулусов», как его называет писатель. Антинародный характер самодержавия символически выражается Щедриным с помощью группы ядовитых хищников: «на золотом поле взвившийся на дыбы змей-боа, а по бокам его скорпион и тарантул. По толкованию Редеди, аллегория эта означала самого владыку зулусов (змея), и двух его главных министров: министра оздоровления корней (скорпион) и министра умиротворения посредством в отдаленные места водворений (тарантул)» (XV, 147).

Сущность самодержавного произвола настолько была верно схвачена Щедриным, что один из столпов «министерства умиротворений» — начальник департамента полиции Плеве — требовал изъятия этой «аллегории» из «Современной идиллии» как подрывающей основы государственной власти.

В другом месте произведения Редедя, рассказывая о жизни в Зулусии, приводит такие факты, которые прямо указывают, что перед читателем выступает не какая-то неизвестная страна, а русская действительность.

«А внутренняя политика у них есть?» — спрашивают Редедю о Зулусии.

«И внутренней политики настоящей нет, а есть оздоровление корней. Тут и полиция, и юстиция, и народное просвеще-

ние — все! Возьмут этак «голубчика» где почувствительнее, да и не выпускают, покуда всех не оговорит».

— И это легкость большая.

— А пути сообщения есть?

— Настоящих тоже нет. Но недавно устроено министерство кукуевских катастроф. Стало быть, теперь только строить дороги поспевай» (XV, 159).

Описывая Египет, Щедрин в иносказательной форме изображает события недавней Балканской войны: возмущается бесправием солдатской массы, бездарностью царских генералов и говорит об интендантских хищениях, о недостатке продовольствия и боеприпасов. Характеризуя состояние египетского войска, Редедя употребляет типично русские сигналы команды, русскую форму обращения офицеров к солдатам и солдат к своим офицерам: «Представьте себе, — рассказывает «странствующий полководец», — вывели на смотр войско, а оно три дня не евши; мундирчики — в лохмотьях, подметки — из картонной бумаги, ружья — кремневые, да и кремней-то нет, а вместо них чурки, выкрашенные под кремнь. «Поверишь ли, — говорит Араби: — все было: и сухари, и мундиры, и ружья — и все интендантские чиновники разворовали!» — Да позволь, говорю, мне хоть одного, для примера, повесить! — «Нельзя, говорит, закона нет!» — Это в военное-то время... закон!! Впрочем, и это бы еще ничего, а вот что уже совсем худо: выправки в войске нет. Им командуют: ребята вперед! — а они: у нас, ваше благородие, сапог нет!--- Ну, натурально, стали отступать» (XV, 289).

Сомневаться в том, что перед нами картина состояния не египетской армии, а русской, не приходится. Такое подробное описание именно египетской армии было бы художественной натяжкой, кроме того, сам Щедрин предостерег читателя от подобных недалёковидных выводов, сказав: «...почему-то сдавалось, что он (Редедя) словно не об Египте, а об Весъёгонском уезде разговаривает» (XV, 292).

Несколько ранее сообщений Редеди о Египте Щедрин говорит о неудовлетворительном снабжении русской армии во время русско-турецкой войны и подчеркивает, что на военных поставках наживались крупные капиталисты, которые обворовывали солдат и все государство в целом.

Насколько наболевшим вопросом в русской армии было казнокрадство и всевозможные мошенничества, свидетельствуют периодические издания этого времени. Так, «Отечественные записки» во «Внутреннем обозрении» в 1880 году продолжают обращать внимание русской общественности на крупные хищения в армии.

«Самый большой кусок солдатского пирога, — писал обозреватель этого журнала, — в прошедшую войну до-

стался, несомненно, на долю компании Когана, Горвица и Грегера. Это был, может быть, один из главных бичей прошедшей войны. Еще не известно, кто более опустошал русскую армию — турецкие ли пули, обыкновенные ли тяжести войны, мороз ли, или тот искусственный голод и отравы, которые зачастую производимы были господами Коганом, Горвицем и Грегером через недоставление в течение долгого времени никаких припасов в армию или через доставление припасов гнилых»¹.

Несколько лет после войны продолжались государственные ревизии, которые раскрыли целый ряд ужасных преступлений против государства и народа. Русский солдат в русско-турецкую войну показал свое бесстрашие и героизм, сочувствие балканским славянам, томящимся под турецким игом, а крупные промышленники подрывали боеспособность своей же армии, посылая никуда не годные боеприпасы, обрекая солдат на голод и другие лишения.

20 июля 1882 года «Новое время» поместило сообщение прокуратуры, в котором говорилось об интендантских хищениях: «В сентябре и октябре месяцах текущего года будут пущены несколько небольших дел, а затем начнется громадный процесс, не имеющий себе ничего подобного в летописях нашей юридической хроники»².

Таким образом, из приведенных материалов видно, что вопрос об интендантских хищениях был необыкновенно актуален в начале 80-х годов, т. е. в то время, когда Щедрин говорил о подвигах Полкана Редеди в Египте, и современникам писателя было понятно, о чем идет речь, на какие факты действительности он намекает.

«Интендантские процессы» дали Щедрину основание для использования целого ряда намеков и сопоставлений «деятельности» «героев» повести с воровскими проделками интендантов и подрядчиков, привлеченных к суду.

Так, «герои» «Современной идиллии» с целью «просвещения» русского Востока решили основать в Зеравшане университет, и для того чтобы быть вполне убежденным в успехе своего предприятия, Балалайкин «подал прошение в интендантское управление» и должен был «пообещать».

«В самом деле, всем показалось удивительным, с какой стати Балалайкин с вопросом о зеравшанском университете обратился в интендантское управление? Даже в корчевское полицейское управление — и то было бы целесообразнее..

Один Очищенный не разделял наших недоумений.

— А я так напротив думаю, — объяснил он — По-моему,

¹ «Отечественные записки», 1880, № 5, стр. 357

² «Новое время», 1882, № 2296, 20 июля, стр. 3

всякое дело, ежели его благополучно свершить желают, непременно следует с интендантского управления начинать. Ближе к цели.

— Чудак! да что же у интендантства общего с университетом?

— Общего нет, а привышные люди в интендантстве служат — вот что. Зря за дело не возьмутся, а ежели возьмут, так сделают.

— Как же они подступятся к делу, коли оно даже не ихнего ведомства?

— Так и подступятся. Напишут. А ежели долго ответа не будет, опять напишут. Главное дело, разговор завести. А может быть, и интендантские науки какие-нибудь придумают — тогда и без переписки, промежду себя, дело оборудуют.

Стали рассуждать: могут ли существовать интендантские науки? — и должны были сознаться, что не только могут существовать, но и существуют. Наука о печении солдатских сухарей — профессор Коган, наука о мясных и винных порциях — профессор Горвиц, наука о выдаче квитанций за непоставленный провиант — профессор Макшеев. Это только для начала, а ежели дальше перечислять, то, пожалуй, и в глазах зарябит. Десяти факультетов мало, и, что всего важнее, наверное, ни одна кафедра никогда вакантной не будет» (XV, 195—196).

Таким образом, факт, широко известный русской общественности, получил в «Современной идиллии» свое сатирическое воплощение: частые случаи хищения, подкупов и бюрократической волокиты превратились в систему и названы Щедриным «интендантскими науками».

Капиталистические хищения, имевшие место в 70—80-х годах, нашли своего обличителя в лице Щедрина, который не только отмечает хищения как факт, присущий капитализму, но и объясняет закономерность подобного поведения представителей самодержавно-бюрократической системы.

Сатирик обращает внимание русской общественности на то, что правительство серьезного внутреннего врага видит только в «вольнодумстве», в освободительном движении, так как революционное состояние общества угрожает существованию самодержавного строя. Наоборот, правительство снисходительно относится к расхитителям государственного имущества и считает, что уголовные преступления являются гарантией политической благонадежности. Хищения, открытый грабеж, символизирующие преданность царизму, стали так сильны и беззастенчивы, что вызывали возмущение не только прогрессивного русского общества, но и либерально-настроенных слоев. Так, «Неделя» Гайдебурова довольно иронически отмечала бессильную борьбу правительства с двумя

бичами времени — вольнодумством и хищениями. Беспомощность государственной власти приобретала комический характер, так как правительство никак не могло решить, что больше угрожает проведению внутренней политики государства. «... Хищение или вольнодумство — другого выхода нет, и в то самое время, как мы обуздываем вольнодумцев, хищники с каждым днем усиливаются, делаются сильнее...»¹

Неоднократно в «Современной идиллии» Щедрин выступал против мошеннических операций, казнокрадств, которым не только покровительствовали представители высших государственных кругов, но даже сами участвовали в них.

Например, в 1880 году сенаторская ревизия, назначенная Лорис-Меликовым, обнаружила крупные государственные хищения в так называемых «уфимских землях». Бывший в то время министром государственных имуществ П. А. Валуев за бесценок продавал под видом пустошей крупные массивы корабельного леса. В этом скандальном деле оказались замешаны и другие министры Ливен и Маков, которым пришлось возвратить награбленное.

Факты подобного беспримерного воровства и хищничества дали Щедрину богатый материал для создания образов тайных советников Перекусихиных, изображая которых, он имел в виду не только Валуева, Ливена и Макова, но и всю чиновную иерархию, представляющую себе, по меткому сравнению писателя, государственные средства в виде казенного пирога, к которому во всякое время можно беспрепятственно подходить и закусывать. Стремление «перекусить», урвать хоть что-нибудь — главная черта, характеризующая сущность и поведение Перекусихиных.

Объясняя происхождение этой фамилии, Щедрин кратко и выразительно передает их историю: «По обеим сторонам стола... сидели посаженные отцы, тайные советники Перекусихин 1-й и Перекусихин 2-й, уволенные от службы в воздаяние отличных заслуг. Оба они были грустны. Один потому, что получил уфимскую землю и потом ее возвратил; другой — потому, что не получил уфимской земли и потому ничего не мог возвратить. Вообще, это были люди очень несчастные потому, что газеты каждодневно называли их «хищниками», несмотря на то, что Перекусихин 1-й полностью возвратил похищенное, а Перекусихин 2-й даже совершенно ничего не получил. Так что и несомненная невинность Перекусихина 2-го не принималась во внимание, потому что всякий говорил: а кто их, Перекусихиных, разберет» (XV, 148).

Массовые преступления совершаются как государственными «столпами» — представителями правящей верхушки, так

¹ «Неделя», 1882, № 9, 28 февраля, стр. 301.

и всевозможными предпринимателями, кулаками и мироедами. К числу таких хищников следует отнести кассира Взаимного поземельного кредита Юханцева, который за произведенную растрату в два миллиона был сослан на поселение в Сибирь. Так, удивляясь мошенническим проектам Очищенного, либералы спрашивают, не приходилось ли ему служить во Взаимном кредите. Нападая на мир «шалопайства» и «ябеды», Щедрин говорит, что эта категория людей находит своих кумиров в сфере мошенничества и хищничества, они стараются выдвинуть своих «героев» дня и, таким образом, «смешивают Прудона с Юханцевым и Гарибальди с Редедеем» (XV, 211).

Современников совершенно не удивляло подобное сопоставление имен, так как реакционные и либеральные газеты популяризировали «ташкентца» генерала Черняева, называли его «русским Гарибальди», и Щедрин в своем иносказании использовал готовую формулу, вложив в нее новое сатирическое содержание. Что касается дела Юханцева, то его преступление чуть ли не было возведено в ранг законности. Во всяком случае растроченные деньги не были с него взысканы, и Юханцев с остатком украденной кассы отправился в Сибирь. Ставя имя Юханцева рядом с именем философа Прудона, утверждавшего, что «собственность есть кража», Щедрин с едкой иронией говорит, что хищники-казнокрады не только не стыдятся своих преступлений перед обществом, но и легко находят себе оправдание в глазах подобных же крупных мошенников, богатство которых накоплено нечестным путем.

Стремясь приобщиться к истинной «благонамеренности», Глумов и Рассказчик приходят к выводу, что в 70-е годы для полного признания «благонамеренным» необходимо примкнуть к преступным авантюрам, совершающимся вокруг, так как подобный род деятельности ведут «хозяева жизни» — крупные государственные сановники и капиталисты. Только такая «деятельность» может свидетельствовать об отсутствии глубоких идейных интересов и запросов, следовательно, о «благонамеренности».

Не случайно один из героев «Современной идиллии» Очищенный предложил целый ряд воровских проектов, при осуществлении которых можно «урвать» несколько миллионов. Причем, появление мысли о создании «страхового общества» Очищенный объяснил очень просто: «Похаживаю между людьми, прислушиваюсь. Намеднись слышу, один умный господин предлагает проект: учредить страховое общество на случай крушения железнодорожных поездов... Ну, слушал я, слушал и вдруг мне блеснуло: а что ежели эту самую мысль да в обширных размерах осуществить» (XV, 178).

Глумов и Рассказчик с большим удовольствием поддер-

живают Очищенного, потому что «страхование» крестьян в первую очередь обеспечит самих учредителей «общества».

Таким образом, Щедрин показал, что либералам не важно, из каких источников черпать средства своего благосостояния, лишь бы жить без тревог и в свое удовольствие.

Глумов продемонстрировал неразборчивость в добывании средств, а в связи с этим и полное моральное падение тем, что и поступил на содержание к содержанке. По мнению Рассказчика, этим «. он сразу так украсил свой обывательский формуляр, что упразднил все промежуточные подробности. Теперь он хоть Маратом сделайся — и тут Иван Тимофеич скажет: не может этого быть!» (XV, 162).

Значительное место в произведении занимает характеристика тех средств, с помощью которых правительство и правящие классы пытаются бороться с ростом революционных настроений. И здесь Щедрин использует злободневный конкретный материал.

Крупные предприниматели, типа купца Парамонова, выведенного в «Современной идиллии», в целях охраны собственного спокойствия охотно жертвуют крупные суммы на «армии и флоты», «на усиление средств» и даже «по случаю победы одоления над мятежными венграми», но еще больше вносят в квартал «на потреотизм», т. е. на организацию шпионских «кружков любителей статистики», на слежку за «настроением умов», так как все это должно способствовать упрочению самодержавно-полицейской системы.

Так, контрреволюционная «Священная дружина», в которую входили великие князья, действовала на средства таких крупных капиталистов, как С. Поляков, и родовитых дворян-аристократов. Не удивительно, что широкие средства, которыми располагала «Священная дружина», привлекли в ее ряды к 1883 году более четырнадцати с половиной тысяч всевозможных шпионов-«добровольцев» из подонков общества.

В письмах к друзьям Щедрин обращал внимание на газетные корреспонденции, в которых сообщалось об обнаружении «добровольных» шпионских обществ, которые выплачивали вознаграждение за поимку «превратного толкователя», а то и прямо «социалиста».

Подобные факты шпионства нашли сатирическое отображение и осмеяние в «Письмах к тетеньке» и «Современной идиллии».

Щедрин издевается над «тайным» аристократическим обществом, говорит, что существование его ни для кого не составляет тайны и, следовательно, не может принести существенного вреда революционерам, а только вносит «бестолковейшую из смут» в жизнь обывателей:

«Говорили об этом и на конках, и в мелочных лавочках, и в дворницких, словом — везде, где современная внутренняя политика черпает свое вдохновение».

Сатирик показал, что «дружинники» под видом осуществления «патриотического» долга защиты царя и самодержавия добиваются личных выгод, хотя поставить себя выше закона, чтобы безнаказанно совершать спекулятивные операции.

«Всякий... — говорит писатель, — пристраивает себя ко внутренней политике и, смотря по количеству ожидаемых пиროгов, объявляет себя или благонамеренным или *ненеблагонамеренным* (особенный политический термин, народившийся в последнее время...). Разница тут самая пустая, а между тем люди калечат и подсиживают друг друга, утруждают начальство, а в жизнь вносят бестолковейшую из смут, и все из-за того, чтобы захватить в свою пользу безраздельную торговлю благонамеренностью распивочно и на вынос» (XV, 165—166).

Великосветские авантюристы, «Взволнованные лоботрясы», как их называл Щедрин в «Современной идиллии», не брезгают никакими низменными средствами для «приведения в ясность современного настроения умов».

Так, широко используются «опытные собиратели статистики» («непременное условие, чтобы не меньше двух раз под судом был»), которые засылаются в самые людные места для выяснения, кто об чем думает, кто с кем и об чем говорит, чего желает». Шпионаж и слежка за настроениями умов всецело согласуются с «обстоятельствами». Сам Выжлятников приводит конкретные примеры: «...лето нынче стоит жаркое, и, следовательно, много купальщиков. Сейчас наш статистик — бултых в воду! и начинает нырять». Или «...другой пример: приспело время для фруктов — сейчас наш статистик — лоток на голову и пошел статистику собирать» (XV, 171).

Щедрин с негодованием говорит о попытках правительства с помощью денежных «поощрений» развращать темное, обнищавшее крестьянство.

Так, староста Проплеванной — вотчины Рассказчика — сообщает своему барину о новых средствах к существованию — «ловле сицилистов».

— Вон уже Успленья на дворе... а мы, благослови господь, сеять-то и не зачинали!

— Что так?

— Все сицилистов ловим. Намеднись всем опчеством двое суток в лесу ночевали, искали его, — ан он, каторжный, у всех на глазах ушел!

— Сицилист-то?!

— Он самый. Видим, что бежит... ах, батюшки! господа

хрестьяне! вон он! лови, братцы, лови! — Куда-те! так между пальцев, словно въюн, уполз!» (XV, 209).

Либералы и открытые реакционеры прекрасно понимали, что революционные настроения наиболее сильны и опасны среди учащейся молодежи. Не случайно Д. Толстой на посту министра просвещения еще в 70-х годах намеревался мертвым «классицизмом» задушить живую мысль и революционные настроения.

В начале 80-х годов реакционеры засылают шпионов непосредственно в студенческую среду. На средства капиталиста С. Полякова в Москве был открыт так называемый Катковский лицей, а в Петербурге общежитие при университете, воспитанники которых должны были шпионить за своими товарищами и предавать их. Щедрин возмущается новыми подлыми затеями, направленными против прогрессивной молодежи.

Не случайно Глузов и Рассказчик в «Современной идиллии», когда встали на путь «гоженья», присоединились к Парамонову, пожелавшему где-нибудь на Востоке открыть университет с целью распространения «московских ситцев и миткалей» и «сравнительной митрогнозии» вместо наук.

Щедрин обличает происки самодержавно-бюрократической системы, действующих как охранители.

Перекусихин 1-й, сделав экскурс в недавнее прошлое России, вспоминает, «что один отставной фельдъегерь такой проект подал: чтобы весь город на отряды разделить. Что ни дом, то отряд, со старшим дворником во главе. А кроме того, еще летучие отряды... вроде как воспособление» (XV, 157).

В данном случае осмеянию Щедрина подвергается «проблема дворников», поднятая Александром II в связи с покушением Соловьева 2 апреля 1879 г. Отвечая на поздравления с «избавлением» от опасности, царь предложил нелепейший «проект» о том, чтобы домовладельцы смотрели за своими дворниками и жильцами. А вскоре петербургский градоначальник издал постановление:

«У ворот всякого дома в Петербурге должен находиться во всякое время как ночью, так и днем, дежурный дворник»¹.

После убийства Александра II петербургский градоначальник Баранов наряду с другими полуфантастическими мерами в борьбе царизма с революцией 14 августа 1881 г. положением об охране ввел в Петербурге обязательное дежурство «дополнительных» дворников. Таким образом, «проблема дворников» находилась в центре внимания реакционеров довольно длительное время, и не случайно Полкан Редедя, символизирующий самодержавный милитаризм, предлагает воо-

¹ «Правительственный вестник», 1879, 10 апреля.

ружить «дворников» и направить против народа: «А я так иначе бы распорядился, — сказал Редедя, — двойные ключи, отряды — все это прекрасно; а я бы по пушечке против каждого дома поставил. В случае чего: дворник! выполняй свою обязанность!» (XV, 157).

В страхе перед революцией правящие классы готовы ежедневно применять такие средства, как «пушечка», «бараний рог» и «ежовые рукавицы», но при всем том с ужасом замечают, что народный гнев и возмущение растут, и все труднее «вводить в пределы» человеческую мысль.

Языку «Современной идиллии» Щедрина наряду с эзоповской манерой повествования свойственно широкое использование богатства художественных форм: яркий выразительный эпитет, меткое образное сравнение, метафора и др. Все эти свойства языка Щедрина считал неотъемлемой частью художественного произведения: «Я не отрицаю, что в писаниях моих нередко встречаются вещи довольно неожиданные, писал Щедрин, — но это зависит от того, что в любом курсе реторики существуют указания на тропы и фигуры, и я... не имею даже права оставаться чуждым этим указаниям. Есть метафора, есть метонимия, синекдоха... Наконец существуют особые рубрики литературного труда, носящие название «сатиры», «эпиграммы» и проч., которые тоже с разрешения реторики допускаются к обнародованию...»¹

Щедринские эпитеты придают новую эмоционально экспрессивную окраску определяемому слову, расширяют и обогащают его значение в сатирическом плане. Нередко встречается один и тот же эпитет в сочетании с целым рядом различных предметных понятий, причем эти предметные понятия не синонимичны. Примером может служить эпитет «благонамеренный»: «благонамеренный человек», «благонамеренный крамольник», «путь благонамеренности». «крамола потрясательно-благонамеренная» и др. Подобное использование эпитета «благонамеренный» объясняется тем, что Щедрин берет широко известное определение и обогащает его значение, раздвигает смысловые рамки. «Благонамеренность» и «благонамеренный» в период реакции отождествлялись с такими понятиями, как контрреволюционность, консерватизм, преданность самодержавию. К разряду «неблагонамеренных» правительство относило революционные элементы русского общества.

Щедринские эпитеты сатирически окрашены. Так, Щедрин ставит рядом такие на первый взгляд противоположные понятия, как «благонамеренный» и «крамольник», говорит о «бла-

¹ Щедрин. О литературе. Гослитиздат, М., 1952, стр. 584—585.

гонамеренных крамольниках». Этим словосочетанием Щедрин выражает совершенно определенное явление, обращает внимание на новый вид «крамолы», на появление целого ряда «тайных контрреволюционных организаций» так называемой «потрясательно-благонамеренной крамолы».

Аналогично используется Щедриным эпитет «благопристойный», являющийся синонимом к эпитету «благонамеренный». С определением «благопристойный» сочетается целый ряд самых различных предметных понятий, причем в этом случае значительно изменяется эмоционально-смысловой характер самого эпитета. Так, наряду с эпитетом «благопристойное поведение» в «Современной идиллии» встречается «Устав благопристойности»—в данном случае эпитет уже имеет конкретное социальное содержание в отличие от своего первоначального значения.

Иногда один и тот же эпитет соотносится с несколькими предметными понятиями с целью сгущения красок, усиления впечатления того качественного признака, который заключается в данном эпитете. Например, от существительного «негодяй» Щедрин образовал эпитет «негодяйский» и использовал его не только в узком значении как «негодяйские поступки», «негодяйские речи», но и значительно шире, более обобщенно — «негодяйская профессия».

Образность, необычность при подобном сочетании достигаются тем, что сатирик ставит в один ряд определение и предметное понятие, которые до сих пор в разговорной речи и литературном языке никогда вместе не употреблялись и являются своеобразными неологизмами Щедрина. Эмоционально-смысловые оттенки, которые приобретают в таком сочетании как эпитет, так и предметное понятие, многообразны, совершенно не совпадают с их первоначальным значением и попадают в категорию так называемых «щедринских выражений».

По типу широко распространенных сочетаний, таких, как «душевные чертоги», «мир убеждений», «административный произвол» и т. п., Щедрин создает новые словосочетания, заключающие в себе сатирический элемент: «душевное гноище», «мир шалопайства», «административный восторг», «шкурный вопрос», «шкурное самосохранение» и т. п.

Значительная часть щедринских эпитетов связана с определением состояния и поведения «героев» повести. Но эти эпитеты характеризуют не обычные психологические процессы, свойственные человеку вообще, а помогают уяснить сущность поведения отдельных социальных группировок в период реакции. К числу таких эпитетов относятся: «мучительное оподление», «скользкий путь либерализма», «жестокое шутовство»,

«превратные толкования», «развращающие эксперименты», «человеконенавистническое ремесло», «миниатюрные заблуждения», «патриотическая окраска», «словесная канитель» и др.

В таком сочетании эпитеты придают предметным понятиям новые, до сих пор не отмечавшиеся свойства и в значительной мере носят метафорический характер.

Рассмотрим, по какому признаку объединяются щедринские эпитеты и предметные понятия. В основу сочетания «мучительное оподление» положена психологическая характеристика. Если эпитет «мучительный» свидетельствует о глубоких страданиях, выпавших на долю человека, вносит элемент трагизма в характеристику, то «оподление» раскрывает низменные проявления человеческой личности. Таким образом полученное сочетание заключает в себе внутреннее противоречие, внутреннюю антитезу.

Словосочетание «человеконенавистническое ремесло» представляет собою также соединение эпитета и предметного понятия, которые в своей совокупности впервые встречаются у Щедрина.

Эпитет «человеконенавистнический» и узкопрофессиональное понятие «ремесло», будучи поставлены в один ряд, придают сатирическую окраску всему словосочетанию тем, что переносят политические явления в сферу обыденных, чисто бытовых.

Говоря о стремлении кашинских предпринимателей фигурировать со своими товарами на мировом рынке, Щедрин отмечает, что «тон собеседования» получил «патриотическую окраску».

Писатель подчеркивает, что всякие разглагольствования предпринимателей на патриотические темы являются всего-навсего внешней маскировкой, «окраской», под которой скрывается хищническая сущность и жажда личного обогащения.

В «Современной идиллии» встречается еще один вид своеобразных эпитетов-неологизмов. Щедрин в целях сатирического осмеяния пользовался приемами объединения в одно целое двух или нескольких совершенно несовместимых понятий, придавая тем самым всему полученному словосочетанию характер нелепости и абсурдности: «благопотребно-философическая высота», «ассенизационно-любоэстрастная газета», «словесное удобрение», «ситцевая пропаганда», «вопли полуграмотные, вонючие», «фискально-финансовое затруднение», «гороховое пальто», «аллегорические телодвижения», «монументная комиссия» и др.

Эпитеты, характеризующие сатирические образы, в большинстве случаев имеют иронический смысл, находясь в противоречии с сущностью самого образа. Например, Иван Иванов-

вич Очищенный имеет синонимический ряд подобных эпитетов: «благородный отец из дома терпимости», «почтенный старичок» и, наконец, «злокачественный старик».

Щедрин нетерпимо относился к засорению русского литературного языка церковнославянизмами, но в своем творчестве иногда прибегал к элементам книжности при создании сатирических характеристик. Используя эпитеты церковнославянского языка, он стремится с помощью стиливых контрастов показать уродливую, нелепую сущность того или иного факта, явления.

Например, в «Современной идиллии» можно встретить такой эпитет, как «жестоковыйная ябеда». Эпитет «жестоковыйный» сам по себе представляет сложное словообразование, синонимическое с эпитетом «гнетущий» («жестокий» — «тяжелый», «выя» — «шея», «жестоковыйный» — тяжким бременем лежащий на шее, т. е. «гнетущий») и употребленный вместе с таким предметным понятием, как «ябеда», усиливает впечатление гнета, тяжести. Прибегая к эпитетам старославянского языка, Щедрин нередко сочетает их с предметными понятиями бытового или даже жаргонного характера и смешением речевых стилей придает всему словосочетанию комический характер. Примерами могут служить: «боговдохновенная взятка», «ликующие одежды», «неумытная строгость», «благомыслящие граждане», «заведомые прохвосты», «невежественные добровольцы», «благотворная диверсия» и др.

Большой емкостью и выразительностью обладают щедринские сравнения. Используя этот прием при создании сатирического персонажа, Щедрин с помощью сравнения стремится раскрыть внутреннее содержание данного «героя», помочь читателю разобраться в социальном значении изображаемого предмета или явления.

Остановимся на развернутых сравнениях, связанных с портретной характеристикой. В «Современной идиллии» Щедрин дважды рисует портрет «неугомонного» полководца Полкана Самсоныча Редеди и каждый раз отмечает, что он как бы «составлен из разных овалов, связанных между собой ниткой, приводимой в движение скрытым механизмом. В середине находился основной овал — живот, и когда он начинал колыхаться, то прочие овалы и овалики приходили в движение. Выражение лица его было любезное и добродушное, так что с первого взгляда казалось, что на вас смотрит сычуг из колбасной Шписа, получивший способность улыбаться» (XV, 147).

В другом месте сатирической повести Щедрин говорит, что «овальность», свойственная всей фигуре Редеди, больше соответствовала метрдолетелю, чем полководцу, так что даже друзья и почитатели странствующего полководца довольно

скептически относились к его будущим успехам на поле брани: «Разъелся, старик, ленив стал!— говорили они между собой: — посмотрите, вся грудь у него в складках, точно у старого раскормленного тирольского быка!» (XV, 154).

Изображая одного из фантастических «начальников», писатель использует такое сравнение: «Прибыл он (начальник — З. П.) к месту служения свежий да светлый — весь словно новый медный пятак горит» (XV, 154).

При характеристике социальных явлений отрицательного порядка Щедрин пользуется контрастными сравнениями, проводит параллели чисто бытового характера, чем снижает сравниваемое явление до уровня уродливого, смешного. Так, содержательница «увеселительного заведения» Дарья Семеновна говаривала: «Жизнь наша здешняя подобна селянке, которую в Малоярославском тракте подают. Коли ешь ес с маху, ложка за ложкой, — ничего, словно как и еда; а коли начнешь ворошить да разглядывать — стошнит!» (XV, 133).

Иногда писатель даже не считает нужным полностью разворачивать сравнение, а обрывает его на полуслове; но уже тот факт, что два явления или объекта, не имеющие в своей сущности ничего общего или похожего, названы рядом и сравниваются между собой, дает возможность читателю дополнять и расширять различные стороны сравниваемого объекта или явления в чисто сатирическом плане. Примером может служить сравнение, использованное Глузовым в своей «лекции» по русской истории, где говорится, что «современность, переживаемая нами, подобна камаринскому мужику, который... » (XV, 204). На этом сравнение обрывается, так как в дверях совершенно неожиданно появляется «гороховое пальто» сыщика. Суть сравнения состоит в том, что в один ряд поставлены два разнородных объекта, и «современность», о которой говорит Глузов, выступает в представлении читателя как целый ряд глупых, смешных нелепостей.

Обличая пустоту и никчемность «либерального словоблудия», Щедрин говорит, что «плетение словес» только вносит неясность в жизнь, создает путаницу понятий. Характеристику подобного «обмена мыслей» Щедрин заканчивает необыкновенно выразительным сравнением: «Есть люди, с которыми можно беседовать только сообщая, чтоб товарищ товарищу помогал. Один слово бросит, другой слово на лету подхватит и другое подкинет, — смотришь, ан разговор. Все равно как бумажки на полу: одна бумажка — просто только бумажка, а много бумажек — сор» (XV, 167)

Сравнения и сопоставления занимают видное место в щедринском пейзаже. Изображая картину наступающей осени, Щедрин говорит о душевном равновесии, которое при-

ходит к человеку под влиянием прекрасной в своем величии природы.

«Листья еще крепко держатся на ветках деревьев и только чуть-чуть начинают буреть; георгины, штокрозы, резеда, душистый горошек — все это слегка побледнело под влиянием утренников, но еще в полном цвету; и везде жужжат мириады пчел, которые, как чиновники перед реформой, спешат добрать последние взятки» (XV, 283).

Трогательно чистое описание природы Щедрина сопоставляет с жизнью Петербурга, с чиновничье-бюрократическими махинациями.

Ряд метафор характеризует «шкурное самосохранение», либеральное приспособленчество. Представитель реакционного клуба Взволнованных лоботрясов Выжлятников говорит Глумову и Рассказчику, что одного пассивного «гоженья» стало недостаточно для признания благонамеренным: «требования все повышаются и сообразно с этим должна повышаться и температура вашей готовности...» (XV, 170).

Тот же Выжлятников, продолжая «искушать» Глумова и Рассказчика, употребляет предметное понятие «шкура» в самых различных значениях: «Допустим, что вы выполнили всю программу до конца, — говорит он, — разве это результат? Разве вам поверят? Разве не скажут: это в нем шкура заговорила, а настоящей искренности в его поступках все-таки нет» (XV, 170).

Издеваясь над либеральной нерешительностью, «благонамеренный крамольник» Выжлятников снова придает слову «шкура» переносное значение: «То-то вот вы, либералы! И шкуру сбережь хотите, да еще претендуете, чтоб она вам даром досталась! А ведь, по-настоящему, надо ее заслужить!» (XV, 170).

С большим мастерством обыгрывает Щедрин такие понятия, как «основы и краеугольные камни» самодержавного государства, «внутренняя политика» и др., и создает на основе переосмысления этих понятий яркие сатирические метафоры. Так, судьи, которых реакционные круги обвиняют в мягкости по отношению к революционным элементам, с жаром оправдываются: «...только об одном и думаешь, как бы его, потрясателя-то, хорошенько присноровить, а по-ихнему выходит, что оттого у нас основы не держатся, что сами судьи их трясут» (XV, 237).

Высмеивая нелепые происки реакции, Щедрин говорит, что в роли «потрясателя основ» выступает даже крестьянская курица, стоит ей только ступить на помещичью землю. После реформы 1861 года помещики «отрезывали леса и луга, а из остального устраивали крестьянские наделы (вроде как за-

падни), имея при этом в расчете, чтоб мало-мальски легкомысленная крестьянская курица непременно по несколько раз в день была уличаема в безвозмездном пользовании господскими угодами, а следовательно, в потрясении основ» (XV, 272).

Торжество реакции в стране Щедрин определяет как «шалопайство» и говорит: «Видеть шалопайство вторгающимся во все жизненные отношения, нюхающим, чем пахнет в человеческой душе, читающим по складам в человеческом сердце и чувствовать, что наболевшее слово негодования не только не жжет ничьих сердец, а, напротив, бессильно замирает на языке, — разве может существовать более тяжелое, более удручающее зрелище?» (XV, 182).

Отвлеченное понятие «шалопайство» приобретает конкретные вещественные качества, обладает способностью вторгаться во все жизненные отношения, нюхать, чем пахнет в человеческой душе и т. д.

Переосмысление в метафорах в основном направлено на усиление и заострение социальной значимости отдельных качеств предметных понятий и перенесение их на другие объекты с целью сатирического обличения изображаемого.

Встречаются такие метафоры, как «выжимать сок из крестьян», «сосательная практика», «скучновато смотрела сельская улица», «помещичье хозяйство цвело», «ябеда кровно обидела «среднего человека», «мелкая сошка» и др.

В плане переосмысления широко используются пословицы и поговорки, причем в интерпретации сатирика эти выражения народной мудрости и остроумия приобретают новое социальное звучание. Обратимся к примерам. Щедрин берет известную поговорку «С миру по нитке — голому рубашка», которая является свидетельством чувства коллективной взаимопомощи, свойственного крестьянскому «миру», и перерабатывает ее в новом, сатирическом плане, обличая хищничество и эксплуатацию, царящие вокруг: «С голого по нитке — проворному рубашка. А дураку — шиш».

При обсуждении «Устава благопристойности» либералы, Глумов и Рассказчик, советуют полицейским «законодателям», хотя бы для видимости, использовать в какой-то мере «устное предание», чтобы замаскировать антинародную сущность этого «документа».

«Победоносный» Прудентов резонно замечает, что народные поговорки в настоящее время никем не учитываются. «Возьмем для примера хоть следующее: «Народ говорит: по Сеньке — шапка, а по обстоятельствам дела выходит, что эту поговорку наоборот надо понимать»... «Почему же так?» — интересуются либералы. — «А потому, что потому-с», — разъ-

ясняет Прудентов. — «Начальство — вот в чем причина. Сенек-то много-с, так коли ежели каждый для себя особой шепки потребуе... А у нас на эгог счег так принято: для сокращения переписки, всем чеоб одна мера была. Вот и пригоняем-с. И правильно эго, доложу вам, потому что народ — он глуп-с» (XV, 119).

Таким образом, поговорка «по Сеньке—шапка» приобретает новый характер, указывает на стремление самодержавия держать народ прочно в узде, привести все и вся к «общему знаменателю», «пригнать» под «одну меру».

В «Современной идиллии» Щедрин широко использует известные поговорки в качестве выводов, что делает авторский язык предельно выразительным и лаконичным и, кроме того, придает предшествующим рассуждениям иронический характер, отличаясь по форме и смыслу ото всего, что было сказано ранее. И в то время, как Рассказчик, выражая мнение самого сатирика, пытается убедить своих слушателей в том, что русская жизнь есть не что иное, как «трагедия»... в бесчисленном множестве актов», «многоопытный» Очищенный перебивает его категорическим заявлением: «...по нашему месту не мыслить надобно, а почаще вспоминать, что выше лба уши не растут... тогда и жизнь своим чередом пойдет, и даже сами не заметите, как время постепенно пролетит» (XV 132).

Поговорка «выше лба уши не растут», как свидетельство ограниченности вообще, раскрывает собой сущность либеральной «программы» самосохранения и вызывает у читателя презрение к либеральному плетению словес. Голос Щедрина на фоне этих «излияний» звучит как гневный протест против самодержавно-полицейской «идиллии».

Языковое и стилистическое многообразие исследуемого произведения свидетельствует о том, что Щедрин с высоким мастерством использовал сокровища русского языка и в свою очередь способствовал его обогащению.

Иносказания и переосмысления, стилизация и пародирование и, наконец, все средства поэтического синтаксиса помогают писателю наиболее художественно и точно указывать на существенные стороны изображаемого, выделять наиболее характерные, типические черты.

Благодаря этим «обманным» средствам Щедрин не только преодолевал рогатки цензуры, но и сообщал всему написанному высокохудожественную сатирическую форму, которая всегда будет восхищать читателя своей смелостью и эстетическим совершенством.

Беспощадная критика самодержавия, дворянского либе-

рального двурушничества и бюрократизма придают «Современной идиллии» тенденциозность и глубокую страстность, с которой революционный демократ Щедрин проповедует свои идеалы свободы и революционного преобразования действительности.
